

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 1. С. 224–235.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 1. P. 224–235.

Научная статья / Original article

УДК 101.1:316

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-224-235

## АБДУСАЛАМ ГУСЕЙНОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЗИНОВЬЕВЕ

Рецензия на монографию: Абдусалам А. Гусейнов. *Мой Зиновьев / Статьи, доклады, интервью.* — М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. — 272 с.

**Николай Борисович Афанасов**

Институт философии РАН,

Москва, Россия, n.afanasov@gmail.com



**Ссылка для цитирования:** Афанасов Н. Б. Абдусалам Гусейнов об Александре Зиновьеве // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2024. Т. 7, № 1. С. 224–235. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-224-235.

*Academic Life. Reviews*

ABDUSALAM GUSEYNOV ON ALEXANDER ZINOVIEV

Review of the monograph: Abdusalam A. Guseynov. *My Zinoviev / Articles, Presentations, Interviews.* — Moscow: YaSK Publishing House, 2023. — 272 p.

**Nikolai B. Afanasov**

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia, n.afanasov@gmail.com



**For citation:** Afanasov, N. B. (2024) “Abdusalam Guseynov on Alexander Zinoviev”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(1), pp. 224–235. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-224-235.

© Афанасов Н. Б., 2024

В 2022 году прошли масштабные мероприятия, приуроченные к 100-летию со дня рождения русского философа, логика и писателя Александра Александровича Зиновьева (1922–2006). Благодаря усилиям заинтересованной в популяризации его творческого наследия команды «Зиновьевского клуба»<sup>1</sup> и лично вдовы мыслителя Ольги Мироновны Зиновьевой удалось сделать гораздо больше, чем того можно было ожидать. Как заметила Ольга Мироновна, впервые в истории России празднование юбилея философа проходит с таким размахом. Находясь внутри профессионального сообщества, легко экстраполировать внутреннее самопонимание философии как стержня культуры на все общество. Однако не всегда такая экстраполяция справедлива: значение философии в обществе скорее носит ситуативный и частный характер, нежели общезначимый или направляющий. Тем удивительнее становится опыт 2022 года, который можно рассматривать как эксперимент по уточнению интеллектуальных и идеологических координат современного российского общества через обращения к наследию Зиновьева.

В этом ряду попыток осмысления идей Александра Александровича особо выделяется книга академика РАН Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова с очень личным названием «Мой Зиновьев». Она вышла в свет во второй половине 2023 года и представляет собой собрание статей, докладов и интервью разных лет. Материалы в ней сгруппированы в четыре раздела. Первый содержит расширенную биографическую справку — своего рода философскую биографию мыслителя, а также два интервью, где автор отвечает на вопросы о своих отношениях с Зиновьевым, его творчестве и оценках. Второй раздел



<sup>1</sup> См.: URL: [https://pressria.ru/special\\_zinoviev\\_club/](https://pressria.ru/special_zinoviev_club/) (дата обращения: 10.12.2023).

затрагивает сюжеты, непосредственно связанные с этической философией Александра Александровича. Третий раздел обращается к социально-философским идеям мыслителя. И, наконец, в заключительном, четвертом разделе А. Гусейнов касается наиболее ангажированного пласта наследия философа — его политической и социальной рефлексии в отношении постсоветской России. В рамках настоящей рецензии мы представим актуальную картину теоретической рецепции мысли Зиновьева, а затем последовательно рассмотрим интерпретацию его идей в работе А. Гусейнова. В завершение будет сделан вывод о возможном вкладе новой книги в дело сохранения наследия философа.

Фигура Александра Александровича в начале 2020-х годов получила редкий шанс на возвращение в публичное пространство. Чем завершится этот процесс, судить пока преждевременно. Но если философия Зиновьева будет положена на полку, а обращаться к ней станут преимущественно историки, а не те, кто занимается актуальными философскими сюжетами, то обвинить в этом обстоятельства уже не удастся. Талантливое и энергичное управление и планирование юбилейных мероприятий, подкрепленное силой Указа Президента РФ В. В. Путина № 564 от 1 октября 2021 года «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения А. Зиновьева», исключило возможность того, чтобы кто-то из активных отечественных интеллектуалов мог обойти эту тему стороной. Теперь весь вопрос в том, как именно будет продолжена рецепция творческого наследия Александра Александровича. Впрочем, говорить, что Зиновьева когда-то «забывали», не совсем справедливо. Даже беглого взгляда на посвященные ему работы достаточно, чтобы сделать вывод: откровенных «провалов» в таких исследованиях не наблюдалось. После смерти философа по его трудам защищались и защищаются диссертации, пишутся статьи и книги. К тому же отмечались его 80-летие и 90-летие. Чествование этих дат, пусть и не такое масштабное, оставило заметный след в интеллектуальной жизни нашей страны: были изданы интересные монографии, авторами которых стали хорошо известные отечественные мыслители [Феномен Зиновьева, 2002; Александр Александрович Зиновьев ... , 2012].

Эти публичные практики мышления соразмерны фигуре Александра Александровича — активного общественного деятеля, который считал своим гражданским долгом высказывать собственную позицию всегда, когда появлялась такая возможность. Зиновьев всегда говорил «от себя», причем так, что мало кому приходило в голову воспроизводить его оригинальный стиль. Соответственно, публичные мероприятия, имеющие целью воспроизведение зиновьевского подхода и оптики, всегда вынужденно проделывают что-то другое. Это может быть творчеством *по мотивам* работ Зиновьева, но случается и так,

что стилизация под саркастическую манеру философа порой подменяет содержание. Не все, что происходило вокруг фигуры мыслителя, легко классифицировать в качестве научного осмысления: обращающиеся к имени Зиновьева часто упускают из вида «диалектический» подход философа и целостность его проекта. Да и само влияние Зиновьева не всегда становится предметом рефлексии. Как замечает А. А. Гусейнов, «влияние Зиновьева на интеллектуальную жизнь и общественное сознание в нашей стране во второй половине XX и начале нынешнего века является огромным, но линии такого влияния отнюдь не прямые, скрытые, а во многом специальные, умалчиваемые, их еще предстоит исследовать» (с. 62).

К воспроизведению опытов «социального одиночества», о котором так много говорил Александр Александрович, ближе всего именно работа с текстами. Зиновьева можно просто читать как яркого писателя, но также можно помещать его мысль под призму критического философского рассмотрения. Публикации юбилейного года дают для этого богатый материал. Так, книга, подготовленная по результатам VIII Российского философского конгресса, была посвящена 100-летию со дня рождения А. А. Зиновьева. Не все ее статьи посвящены творчеству Александра Александровича, но в «Разделе II. “Философия А. А. Зиновьева и современность. К 100-летию со Дня Рождения”» собраны тексты пленарных докладов таких отечественных мыслителей, как А. А. Гусейнов, А. П. Козырев, П. Е. Фокин, Ю. Н. Солодухин, В. А. Лекторский. Ведущие философские журналы также не обошли эту юбилейную дату стороной. Тематические блоки появились в «Вопросах философии» (2022. № 10), «Логосе» (2022. № 6), журнале «Гуманитарные ведомости ТГПУ им Л. Н. Толстого» (2022. № 4). Но самая масштабная публикация статей о Зиновьеве состоялась в «Тетрадах по консерватизму» [Тетради по консерватизму ... , 2023]. Объем номера превышает сорок авторских листов!

Задел по изучению наследия А. А. Зиновьева сделан достаточный, но тому, кто только начинает знакомиться с идеями Зиновьева, бывает сложно в них сориентироваться, в том числе из-за жарких публичных баталий вокруг философа. На руку исследователю играет доступность оригинальных работ автора: в 1990-е годы труды Зиновьева издавались огромными тиражами, остатки которых до сих пор можно найти в книжных магазинах и интернет-библиотеках. В рамках проекта по сохранению наследия литературы русского зарубежья<sup>2</sup> были оцифрованы первые издания его художественных произведений, которые выходили в швейцарском издательстве «l'Âge d'homme». Речь идет

<sup>2</sup> См.: URL: [https://vtoraya-literatura.com/razdel\\_740\\_str\\_1.html](https://vtoraya-literatura.com/razdel_740_str_1.html) (дата обращения: 10.12.2023).

прежде всего о Зиновьеве — социальном мыслителе, а не о Зиновьеве-логике. Содержательная связь между этими двумя сторонами творчества Александра Александровича еще должна быть установлена, но его литературные и социологические работы могут читаться как независимые произведения. Именно в таком виде они и существуют в отечественной и зарубежной общественной мысли.

Мы уже отмечали, что систематическое изложение идей Зиновьева — малоперспективное мероприятие [Афанасов, 2022, с. 37]. Лучше всего, по словам А. Гусейнова, с этим справился сам Зиновьев, завершивший свой творческий путь изданием двух обобщающих работ: «На пути к сверхобществу» [Зиновьев, 2000] и «Фактор понимания» [Зиновьев, 2006]. Последняя книга была издана посмертно.

Однако на теоретическом уровне в качестве социального мыслителя Зиновьев так и не состоялся в России. Любопытное свидетельство мы находим в «Моем Зиновьеве»: «Однажды, когда при обсуждении вопроса о лучших философских книгах речь зашла о Зиновьеве, одному маститому отечественному социологу задали вопрос о том, как к Зиновьеву относятся социологи. Тот сказал: “В социологии нет такого имени”. Ответ был, мягко выражаясь, обескураживающим, в особенности если учесть, что в свое время Зиновьев был номинирован выдающимся социологом Раймоном Ароном на премию имени Алексиса де Токвиля и получил ее. И все-таки наш маститый социолог по своему был прав» (с. 216). То же можно сказать об этическом, отчасти о логическом и, возможно, о политическом наследии мыслителя (правда, в меньшей степени). Консенсус достигнут лишь в отношении Зиновьева-писателя, хотя жанр «социологического романа» оказался пересекающимся с жанром *theory fiction*, более известным в глобализованной традиции.

Описанная ситуация порождает фрустрацию, связанную не только с трудами самого Александра Зиновьева — в них тоже совсем не просто разобраться, — но и с тем, что вообще происходит с рецепцией его идей. Отстраняясь, еще раз окинем взглядом актуальную диспозицию. Во-первых, о Зиновьеве писали и пишут много. Во-вторых, пишут не только те, чей научный успех — дело будущего, но и авторитетные и состоявшиеся ученые. В-третьих, сейчас большинство работ мыслителя широко и легко доступны у него на родине (не в пример ситуации 1980–1990-х годов). Наконец, у философа Зиновьева есть поддержка со стороны официальных властей. Но что-то все равно идет не так. «Мой Зиновьев» выходит в 2023 году, хотя многие тексты, составившие эту книгу, были написаны и вышли в свет много раньше. Книга охватывает публикации А. Гусейнова о Зиновьеве на протяжении последних двух десятилетий. С

нашей точки зрения, имеет смысл взглянуть на эту книгу и на содержащиеся в ней идеи как на нечто современное и актуальное, коль скоро автор счел возможным сгруппировать тексты без видимой редактуры. Понимание Зиновьева как исключительно *советского* мыслителя трудно признать единственным возможным [Писарев, 2022, с. 86]. Отправной точкой здесь может послужить замечание, не раз повторяемое А. Гусейновым: Зиновьева замалчивают (с. 168).

Сами тексты не подчинены иерархическому принципу организации, основанному на хронологии их написания. Тематическое разделение первично, а содержательный анализ показывает, что мысль А. Гусейнова, касающаяся «феномена Зиновьева», систематична и требует соответствующего исследовательского подхода. Что же сообщает эта книга читателю? Есть ли в ней тематическое единство? По мнению автора, ее объединяющей основой «является, конечно, сам Зиновьев, но прежде всего осознание *исключительности его научного и человеческого подвига* (курсив мой. — Н. А.)» (с. 7).

Эта ремарка могла бы оградить автора, если бы ему стали предъявлять претензии в субъективизме, — ведь он рефлексивен к своему замыслу. Однако, читая книгу, понимаешь, что и она излишня. Перед нами полноценное критическое введение в философию Зиновьева, которое отличает дружелюбный тон. Кроме того, личное знакомство автора с Александром Александровичем, включенность в российскую академическую жизнь на самом высоком уровне, которая сопровождала обсуждение его идей, снабжает повествование множеством интересных деталей.

Не будем останавливаться на частностях жизни и общей энциклопедической справке о Зиновьеве, которые можно прочитать у А. Гусейнова. Интересующемуся читателю также можно порекомендовать обратиться к интеллектуальной биографии философа из серии «Жизнь замечательных людей» за авторством П. Е. Фокина [Фокин, 2016], о которой А. Гусейнов отзывается положительно. Принципиальное значение для непредвзятого анализа наследия Зиновьева имеет лишь то, что факты его биографии усиливают значение его этического учения, о чем писал в том числе и В. В. Миронов: «Жизнь Александра Александровича — ярчайший пример того, что мы называем философией поступка. Философия — это не только теоретическое, но и глубоко личностное образование, разновидность личностной деятельности» [Миронов, 2008, с. 3].

Говоря о характере творчества философа, А. Гусейнов часто использует метафору человека «ренессансного» типа. Учítывая, что эпоха Возрождения в современной культуре имеет возвышенное и возвышающее значение, это очень обязывающие слова. В книге даже приводится фрагмент о титанических творцах из классической работы об эстетике Возрождения за авторством

А. Ф. Лосева. Указание на комплексность и разносторонность природы феномена Зиновьева продолжает мысль о сцепке его философии и жизни, которые дополняли друг друга. Многоплановость, калейдоскопичность (логика, социология, литература, этика, критика идеологии, идеология, политический анализ), которая на первый взгляд может показаться неорганичной, очень важна. Когда А. Гусейнов говорит о философии Зиновьева, он несколько выходит за рамки своей предметной экспертизы, этики, поскольку логика и социология (социальная философия) находятся у мыслителя в тесной связи: «За философией Зиновьева стоят его логика и социология: в логике он доказывает, что не существует таких проблем, которые человеческий разум не мог бы решить из-за отсутствия логических средств их выражения, а в социологии доказывает, что социальное поведение индивидов подчиняется законам столь же объективным и доступным познанию, как и физические законы» (с. 68).

Несмотря на проводимую идею о взаимосвязанности работ Зиновьева в самых разных областях, социальный анализ является доминирующим. Более того, Александру Зиновьеву, с точки зрения автора, удалось совершить научный подвиг, и не один. Так, А. Гусейнов пишет, что «“Коммунизм как реальность” является на сегодняшний день единственной концептуально законченной теорией советского общества как исторического явления и социальной реальности» (с. 219). Высока его оценка проекта Зиновьева по критическому описанию западной цивилизации, предпринятому в книге «Запад. Феномен западнизма» [Зиновьев, 1995]. Это предметное исследование сначала советского, а затем и западного общества с точки зрения логической социологии не утратило значения и сегодня, поскольку позволяет взглянуть на динамику развития этих общественно-исторических образований. В третий раз Александр Зиновьев совершает подвиг «понимания» в отношении будущего победившего капиталистического «западнизма», описывая антиутопический мир в социологической повести «Глобальный человек» [Зиновьев, 1997].

В чем специфика метода «логической социологии» в приложении к таким разным предметам анализа? Заметим, Зиновьева не интересует материальное наполнение анализируемых им обществ. Логическая социология — это социология функциональностей и социальной структуризации. Даже художественные произведения Александра Александровича почти не содержат описаний интерьеров, природы, черт внешности и проч., что окружает героев, создает их образ. Соответственно, функциональные черты имеют ключевое значение в его проекте осмысления общества, вычленения законов социальных взаимодействий. Наиболее известно его философское осмысление законов социальности, родственное социомеханике или социозологии: «Так как людей в

человеки много, и они вынуждены вступать в отношения друг с другом просто из-за того единственного факта, что их много, то они действуют в силу социальных законов, которые автор называет законами экзистенциального эгоизма. Это — такие законы, которые заставляют социального индивида действовать исходя из его собственной социальной позиции, чтобы сохранить ее, по возможности умножить или занять более высокую позицию» (с. 182).

Это общее положение — а логическая социология совершенно им не исчерпывается — нужно воспринимать как перформативное высказывание, показывающее, как в целом устроена теория Зиновьева. Она предельно абстрактна и одновременно конкретна, легко проецируется на разные социальные ситуации вне зависимости от частных контекстов. Каждое конкретное социальное взаимодействие выстраивается в соответствии с законами социальности. Они также применимы к другим уровням социальных взаимодействий — взаимодействиям между группами, государствами или надгосударственными образованиями. Сущность социальной методологии Зиновьева состоит в том, что он производит генерализацию, опираясь на малое, повседневное, кажущееся незначительным, на то, что обычно ускользает от взгляда исследователя, то, чему не придают значения. В этом его внимании к «приземленному» содержится критический элемент, позволяющий вскрывать несоответствия между идеализированными идеологическими описаниями социальной реальности и реальной жизненной практикой людей.

Зиновьев-социолог — это одновременно и критик идеологии: «Едва ли в творчестве Зиновьева (за исключением его специальных работ по логике) мы найдем произведения, в которых он так или иначе не затрагивал бы проблем идеологии» (с. 256). А. Гусейнов показывает, как логическая социология выкристаллизовалась из необходимости критически осмыслить реально существовавший коммунизм. Метод парадоксализма — саркастического и оттого «истинного» изображения действительности — оказался удачным. Насколько Зиновьеву удалось схватить сущностное в описываемых им обществах, каждый волен судить сам, но очевидно, что эти попытки были интересны собеседникам.

Реконструкции социально-философского наследия Зиновьева встречаются куда чаще, чем анализ его этических воззрений. Тем ценнее фрагменты книги, посвященные этическому учению философа. Его абстрактная функционально-ориентированная теория не исключает описания этической природы человека, но, напротив, делает его необходимым. Речь идет о специфической мизантропической антропологии. Зиновьев определяет человека как на «все способную тварь» (с. 198). Это не означает, что человек — низкое существо.



Мыслитель подчеркивает открытость и беспринципность его природы, преследование им собственных эгоистических интересов, которые и лежат в основе всякой деятельности индивида. Зиновьев известен своими мизантропическими взглядами, но парадокс в том, что именно они создают пространство для подлинно этического поступка.

А. Гусейнов определяет этику Зиновьева как «этику поступка», вступающую в конфронтацию с доминирующей традицией нормативного определения морали. Тотальность и низость социальности возвеличивают сопротивление. Это одновременно и «прикладная этика», если использовать категориальный аппарат актуальной этической теории (с. 123). Цель этического учения философа — защитить индивида, личность от тотальной социальности, от мира, где все участвуют в «крысиных бегах»: «...учение о житии предназначено не для того, чтобы плохой мир сделать хорошим или опереться в мире на хорошее, избегая плохого, а для того, чтобы уклониться от мира, оставаясь в нем со всей его грязью» (с. 142). Этика Зиновьева подразумевает особое отношение к миру и достижение невосприимчивости к социальности посредством определенных практик. Его этическое учение возникло как ответ на советскую социальную действительность и имело своей задачей защиту индивида от общества. Логический социолог Зиновьев, говоря о непреложном действии законов социальности, надеялся, что их научное понимание открывает пространство разрывов, которое позволило бы индивиду, совпадающему с его социальными функциями, возвыситься до личности, непреложной ценности в мировоззрении Зиновьева: «Человек сериен, является одним из многих, если смотреть на него извне, как на природную и социальную величину, но, если человек рассматривает себя изнутри, из глубины пульсирующей в нем самой жизни, он оборачивается начальной точкой свободы» (с. 244).

Логическая социология, этика, антропологические воззрения, политико-философский анализ — все это переплетается в работах Александра Александровича в единое повествование. Назвать тексты, которые были бы посвящены той или иной проблеме, не то чтобы трудно, но не всегда оправданно. Мысль Зиновьева устроена так, что ее содержание распределено по всем его произведениям, воспроизводится и помещается в самые разные контексты. Фрустрация от объема наследия Зиновьева снимается тем, что если его литературный язык и стиль мышления приходятся по вкусу, то не так и важно, какую книгу и на какой странице открывать: «У меня нет главной книги! — говорит Зиновьев. — Все они вместе образуют одну единственную гигантскую книгу» [Фан, 2006, с. 69]. Предвосхищая постмодернизм в литературе [Epstein, 2021, p. 481], Зиновьев выстраивал свою работу как множество разорванных

нарративов, где социальные конфигурации, абсурдные и саркастичные в своей изолированности от целей воспроизводства жизни, становились главными героями и действующими лицами. Динамика, сюжет — все это принадлежит фантазии или роман(т)ическому видению мира, чуждому Зиновьеву как ученому, но близкому Александру Александровичу как человеку.

Проект Зиновьева стоит в ряду самых оригинальных попыток философского осмысления современности второй половины XX века, и автору книги «Мой Зиновьев» Абдусаламу Гусейнову удастся убедить в этом читателя. Остается вопрос: что ждет Зиновьева? Перестанут ли его «замалчивать»? Гусейнов уверен в том, что Зиновьева так и не прочитали, но его идеи в конечном итоге найдут свой путь, станут органичной частью отечественной философской мысли. Потребность русской культуры в рефлексии над тем, что случилось со страной, никуда не исчезла, а «...Зиновьев дал самое точное понимание взлета и падения нашей страны (советского общества и советского человека) в XX в.» (с. 7). Возможно, Александр Зиновьев слишком своеобразный и не вписывающийся в ключевые традиции мыслитель, чтобы стать «своим» для всех, но для многих он уже стал и останется «их» Зиновьевым. И благодаря их интеллектуальным усилиям — к которым относится и рецензируемая книга «Мой Зиновьев» — у наследия Александра Александровича есть все шансы, чтобы по-настоящему стать «нашим».

### Список источников

- Александр Александрович Зиновьев. Опыт коллективного портрета / сост.: О. М. Зиновьева, О. Г. Назаров. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2012. 368 с.
- Афанасов Н. Б. Логическая социология как реальность: к вопросу о судьбе философии Александра Зиновьева // Логос. 2022. Т. 32, № 6. С. 23–52.
- Зиновьев А. А. Глобальный человек. М.: Центрполиграф, 1997. 458 с.
- Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. 464 с.
- Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 674 с.
- Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 528 с.
- Мионов В. В. Наш Александр Зиновьев // Вестн. Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2008. № 5. С. 3–8.
- Писарев А. А. Не только советское: «Зияющие высоты» Александра Зиновьева в оптике исследований правительности // Логос. 2022. Т. 32, № 6. С. 53–90.
- Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2023. 264 с.

Фан И. Б. «Я был романтическим коммунистом и остаюсь им...». Интервью с А. А. Зиновьевым // *Дискурс-Пи*. 2006. Т. 6, № 1. С. 67–69.

Феномен Зиновьева / сост.: А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Изд-во «Современные тетради», 2002. 400 с.

Философия в полицентричном мире. К 100-летию со дня рождения А. А. Зиновьева: избранные труды VIII Российского философского конгресса / под ред. А. В. Смирнова, Ю. М. Резника. М.: Изд-во ООО «Сам Полиграфист», 2022. 722 с.

Фокин П. Е. Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. М.: Молодая гвардия, 2016. 752 с.

Epstein M. Postmodernist Thought of the Late Soviet Period: Three Profiles // *Studies in East European Thought*. 2021. Vol. 73, no. 3. P. 477–493.

## References

Zinovieva, O. M., Nazarov, O. G. (eds) (2012) *Aleksandr Aleksandrovich Zinov'ev. Opyt kollektivnogo portreta [Alexander Alexandrovich Zinoviev. The experience of a collective biography]*. Moscow: “Kanon+”; ROOI “Reabilitatsiya”.

Afanasov, N. B. (2022) “Logicheskaya sotsiologiya kak real'nost': k voprosu o sud'be filosofii Aleksandra Zinov'eva” [“The Reality of Logical Sociology: On the Question of Alexander Zinoviev’s Philosophy Fate”], *Logos*, 6, pp. 23–52.

Zinoviev, A. A. (1997) *Global'nyi cheloveinik [The global human hill]*. Moscow: Tsentrpoligraf.

Zinoviev, A. A. (1995) *Zapad. Fenomen zapadnizma [The West. Phenomenon of westernism]*. Moscow: Tsentrpoligraf.

Zinoviev, A. A. (2000) *Na puti k sverkhobshchestvu [On the way to a supersociety]*. Moscow: Tsentrpoligraf.

Zinoviev, A. A. (2006) *Faktor ponimaniya [Understanding factor]*. Moscow: Algoritm; Eksmo.

Mironov, V. V. (2008) “Nash Aleksandr Zinov'ev” [“Our Alexander Zinoviev”], *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7. Filosofiya [Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy]*, 5, pp. 3–8.

Pisarev, A. A. “Ne tol'ko sovetskoe: «Ziyayushchie vysoty» Aleksandra Zinov'eva v optike issledovaniy pravitel'nosti” [“Not just the soviet: Alexander Zinoviev’s ‘Yawning Heights’ from the perspective of governmentality studies”], *Logos*, 6, pp. 53–90.

*Tetrady po konservatizmu: Al'manakh № 1 [Essays on conservatism: Almanac no. 1]* (2023) Moscow: Nekommercheskij fond — Institut sotsial'no-ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniy (FOND ISEPI) [Noncommercial Foundation — Institute for Socio-Economic and Political Studies (ISEPI Foundation)].

Fan, I. B. (2006) “«Ya byl romanticheskim kommunistom i ostayus' im...». Interv'yu s A. A. Zinov'evym” [“I was and still remain a romantic communist...’. An interview with A. A. Zinoviev”], *Diskurs-Pi*, 1, pp. 67–69.

Guseynov, A. A., Zinovieva, O. M., Kantor, K. M. (eds) (2002) *Fenomen Zinov'eva* [*The Zinoviev Phenomenon*]. Moscow: Sovremennye tetradi Publ.

Smirnov, A. V., Reznik, Yu. M. (eds) (2022) *Filosofiya v politsentrichnom mire. K 100-letiju so dnya rozhdeniya A. A. Zinovieva: izbrannye trudy VIII Rossijskogo filozofskogo kongressa* [*Philosophy in a polycentric world. To a 100th anniversary of A. A. Zinoviev: Selected writings of the 8th Russian philosophical congress*]. Moscow: Sam Polygraphist Publ.

Fokin, P. E. (2016) *Aleksandr Zinov'ev. Prometei otvergnutyi* [*Alexander Zinoviev. Prometheus rejected*]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Epstein, M. (2021) “Postmodernist thought of the late Soviet period: Three profiles”, *Studies in East European Thought*, 3, pp. 477–493.

---

**Информация об авторе:** Николай Борисович Афанасов — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

**Information about the author:** Nikolai B. Afanasov — PhD in Philosophy, Research Fellow at the Social Philosophy Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023;  
одобрена после рецензирования 01.03.2024;  
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 12.12.2023;  
approved after reviewing 01.03.2024;  
accepted for publication 10.03.2024.